

Валерий СДОБНЯКОВ

Говорящее дерево

Валерий Сдобняков

Говорящее дерево

МОФ «Родное пепелище»

2014

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6 - 44

Сдобняков В. В.

Говорящее дерево / В. В. Сдобняков — МОФ «Родное
пепелище», 2014

ISBN 978-5-98948-060-9

Вместо аннотации предоставим слово писателю из Краснодарского края Сергею Чепрову: «Колька», это – поэзия. Настоящая! Тут не нужно ни разбирать произведение, ни переосмысливать его, а просто как изумительное стихотворение прочитать его и сохранить в сердце навсегда. Это сродни «плачу», поэтическому жанру древней Руси. Плач о безвозвратной утрате детства и неизбежности взросления. Причём, такой искренний и чистый, с таким чувством необходимости этой неизбежности, что от него более, может быть, светло, чем горько...»

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6 - 44

ISBN 978-5-98948-060-9

© Сдобняков В. В., 2014
© МОФ «Родное пепелище», 2014

Содержание

Книга глубокого нравственного заряда	6
Колька	7
Говорящее дерево	7
Тропинка из детства	11
Отец	14
Ветер	17
Сон	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

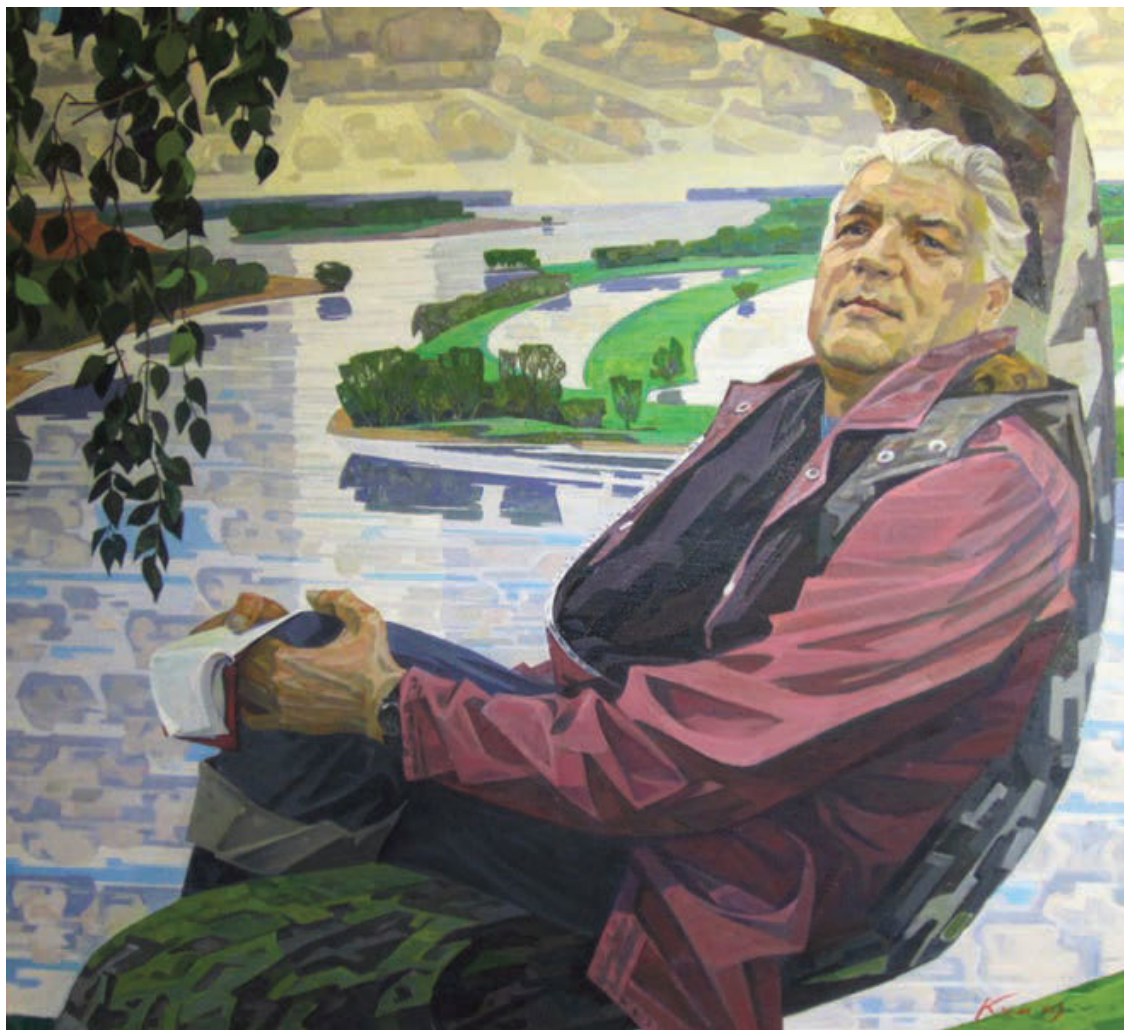
Валерий Сдобняков

Говорящее дерево

© В. В. СДОБНЯКОВ – текст, 2014

© МОФ «Родное пепелище» – дизайн, верстка, 2014

* * *

Над речным раздольем. Портрет Валерия Сдобнякова. 2013. Х/м. 100×110
Заслуженный художник РФ К. И. Шихов.

Книга глубокого нравственного заряда

Сердцевиной книги «Говорящее дерево» является повесть «Колька». Она широко известна российскому и зарубежному читателю, ибо печаталась не только в изданиях Хабаровска, Красноярска, Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Алтайского края, в других городах России, но и в Минске и в США. Насколько я знаю, талантливым произведением заинтересовались в Белграде, и оно готовится к изданию в переводе на сербский язык. Сама же книга состоит из отдельных рассказов, которые как сюжетом своим, так и психологическим настроением тесно связаны друг с другом и раскрывают удивительный мир юного героя – сельского мальчика.

«Говорящее дерево» (замечательное название для тёплой встречи с детьми) – есть духовное проникновение в мир подростка, оно, как умный собеседник, ведёт деликатную беседу с детской душой через благость общения с природой. Найдена истинная интонация разговора, подкреплённая художественным словом и картинками красот окружающих полей и лесов (автор умело владеет палитрой русского народного языка), очаровывает юного читателя. Да, такую книгу можно впустить в дом и в школу. В ней не иссякает нравственный заряд, который чрезвычайно полезен для умного воспитания ребёнка в любви к ближнему, к родной природе, к Отечеству. Я давно слежу за творчеством Валерия Викторовича Сдобнякова. И вижу, как набирается сил его природный талант, как нравственно крепчает его гражданский голос, как общественно значимы дела его ума и сердца. Особенно впечатляет его самоотверженное служение отечественной литературе на примере создания и тринадцатилетнего выпуска журнала «Вертикаль. XXI век», очень профессионального, умного и заботливого издания. Личное творчество известного прозаика и очеркиста Сдобнякова только подтверждает учительное направление его таланта.

*Анатолий Парпара, поэт, драматург, историк, литературовед, лауреат Государственной премии России, вице-президент Российской академии словесности, член Высшего творческого Совета Союза писателей России
г. Москва, 17 января 2014 г.*

Колька

Повесть

Посвящаю Тане и Наташе

Говорящее дерево

Смотри-ка, так и набрал корзину-то! – Прасковья Ильинична, встретившая меня у порога в избу, какое-то время удивлённо смотрела на принесённые мною грибы. Затем, всплеснув руками, будто опомнившись, захопотала вокруг стола, освобождая место. – А я думала пустым возвратишься. Уж гриб больно плох в этом году.

Не снимая сапог, я прошёл к столу и с удовольствием начал выкладывать из корзины круглые, как теннисные шарики, светло-коричневые скользкие кулачки; оранжевые с крепкой шляпкой, плотно облегающей ножку, подосиновики; мясистые упругие лисички; жёлтые, красные и голубые сыроежки. И с тем, как выростала куча грибов на столе, росло во мне чувство гордости за то, что, вот поди ж ты, и погода для грибов неподходящая, и сам я не деревенский, особых мест грибных не знаю – шёл наугад, а вернулся домой с полной корзиной. Хотя и потратил на это почти весь день, да и ноги наломал крепко.

– Значит, есть в лесу гриб, зря люди говорят... Вот и Колька, пострел наш, тоже удивился, когда я ему сказала, что ты за грибами ушёл.

Колька – это сын соседей, людей не пожилых и очень занятых работой в колхозе и своим хозяйством. Я подружился с ним год назад, когда впервые приехал ненадолго отдохнуть в крохотную, не насчитывающую и двух десятков дворов деревеньку. В то время в ней уже отдохали мои хорошие знакомые. У них я и рассчитывал провести несколько дней. Но обстоятельства сложились так, что своих знакомых я в деревне уже не застал и поэтому был вынужден снять комнату у одинокой старушки Прасковьи Ильиничны, жившей в ветхой, почерневшей от времени и непогод избе. Кольке семь лет. Почти каждый день мы уходили с ним в поле, к реке, в лес. Но вчера на сегодняшний день мы ничего не намечали, поэтому я и решил с первым светом отправиться за грибами один. «Все-таки рано это для семилетнего мальчишки в пять часов с постели подниматься», – думал я.

– Он что, приходил?

– Приходил. – И тут Прасковья Ильинична опять всплеснула руками. – Так ведь он пошёл тебя в лесу искать! Значит, разминулись?

– Выходит.

– Ну ничего, – тут же успокоилась добрая старушка, – он паренёк смыслённый, не пропадёт.

Закипел самовар, который за разговорами и отбором грибов умудрилась между делом поставить Прасковья Ильинична, и мы сели пить чай. Перекусив, я поблагодарил хозяйку и вышел в сени, где ещё стоял крепкий грибной запах.

– Ты куда это? – Не поняла вышедшая следом за мной Прасковья Ильинична.

– В лес.

– Пошто?

– Колю искать.

– Колю? Да он лучше любого мужика в округе лес знает.

Наверно, я заметно смутился, потому что Прасковья Ильинична как-то уж слишком быстро переменяла тон – видно, пожалела моё самолюбие – и добавила совсем серьезно:

– А и то, малец ведь. Ты уж сходи, покликай его.

Когда я снова пришёл в лес, в нём уже было сумрачно и тихо. Я шёл по слабо наезженной дороге, и теперь в отличие от утра лес казался мне сонным и равнодушным. Утром в нём было сыро, обильная роса намочила сапоги, сделала их гладкими, блестящими, словно покрыла лаком. Солнце тонкими струйками вливалось в просветы между стволами, блестело на траве маленькими водяными шариками. Сейчас же я шёл по уже пройденной утром дороге, и всё мне казалось знакомым, неинтересным.

Я не стал звать Кольку громким голосом, наверное, в подсознании понимая, что это незачем – он действительно не мог заблудиться, а решил просто обойти полукругом деревню, углубившись подалее в лес, и выйти на другой конец её.

Я уже подходил к просеке, от которой до деревни было недалеко, когда неожиданно увидел Кольку. Он сидел у ствола высокой сосны, привалившись к ней спиной, и, запрокинув голову, смотрел куда-то вверх. Его маленькая фигурка казалась неживой, застывшей, будто Колька увидел или услышал что-то необычное, завораживающее и замер.

Я остановился. Непонятная сила помешала мне подойти к сидевшему на земле мальчику, нарушить его одиночество, спугнуть мечту или чудо, которое сейчас, может быть, наяву пришло к нему.

Мне очень захотелось увидеть то, что так заморозило Кольку. Я стоял и, боясь пошевелиться, издали стал наблюдать за ним. И тут... в лесу послышался протяжный, сначала совсем тихий, но затем всё нарастающий, набирающий силу скрип. Он был жутким и красивым. В какой-то момент показалось мне, что это настоящий живой голос, что дерево в лесу живёт так же, как и мы – чувствует боль, мучается от старости и одиночества.

Колька вздрогнул. Видно, услышал то, чего дождался. Мне показалось, что он услышал ответ на заданный недавно им самим тому дереву вопрос. Колька съёжился, напрягся, ещё больше запрокинул голову и так застыл в совершенной неподвижности.

Я был убеждён, что дерево разговаривало с Колькой, жаловалось ему на что-то откровенно, уверенное в том, что он поймёт, посочувствует, поможет.

Скрип прекратился так же внезапно, как и начался. Колька слегка пошевелился, что-то поправил рукой у себя за спиной и – я отчётливо услышал это – что-то сказал. Через мгновение он снова застыл, словно давая дереву время подумать, а сам приготовился дожидаться ответа.

Я оглянулся вокруг. Да, место было мне знакомо. Сегодня утром я проходил здесь. Но почему же не слышал скрипа? А может быть, это дерево не захотело разговаривать со мной, не поверило мне, не доверило своей тайны...

Дожидаясь, когда снова послышится скрип, я лёг навзничь на мягкий, слегка пружинивший подо мной мох – словно в снег, провалился в низкий изумрудный сугроб... Снег? И тут я вспомнил, как приезжал на два дня в деревню прошедшей зимой. Тогда в первый же вечер мы увиделись с Колькой. Вернее, он специально прибежал, узнав от родителей, что я приехал. Мы пили горячий чай из пузатого, поблёскивающего никелем самовара – его специально к моему приезду подготовила Прасковья Ильинична – и, уже не помню из-за чего вышел спор, только мне долго пришлось доказывать Кольке, что все лешие, домовые и прочие чудища – это выдумки и в его возрасте верить во всё это не следует.

Колька слушал меня молча, перебивать старшего не смел, но чувствовал я, не верит он. Когда же я замолчал, Колька снисходительно спросил:

– А чудеса в лесу откуда берутся?

– Какие чудеса?

– Завтра покажу, пойдёшь со мной?

Я засмеялся. Ну какие чудеса он мне мог показать? А тут ещё раззадоренная нашим спором Прасковья Ильинична – время уже позднее, на ночь укладываться пора, а мы ещё и расходиться не думаем – прикрикнула на Кольку:

– Давай беги домой, пострел. Отец тебе сейчас покажет чудеса.
Так что договорить мы не успели.

На следующий день рано утром Колька забежал за мной. В дом не вошёл, постучал в стекло окна – обиделся, видно, за вчерашнее, за смех над собой.

Всю дорогу до леса шли молча. Я несколько раз пытался заговорить с Колькой, но тот отмалчивался. Когда подошли к лесу, Колька огляделся, прислушался, и от того, как внимательно он это делал, мне сделалось немного не по себе.

– Ты чего показать-то хотел?

Колька посмотрел на меня серьёзно и, не ответив, пошёл дальше. В лесу тихо, вокруг всё недвижимо-застывшее. Лишь изредка срывается с ветки и беззвучно падает снег. Мы шли сквозь густой и мелкий ельник. Затем прошли березняк. Недалеко от реки свернули и спустились в овраг. Снег здесь был местами рыхлый, такой, что лыжи глубоко проваливались, и от этого идти стало ещё труднее.

– Долго ещё? – не выдержав, с раздражением спросил я, когда в очередной раз левая моя лыжина провалилась в снежную яму и, попытавшись резко выдернуть её, я ткнулся лицом в голую торчащую ветку берёзы. И вообще, я уже корил себя за то, что согласился пойти с Колькой. К лыжной прогулке я был не готов совершенно. На мне не было ни шерстяных носков, ни спортивной шапочки, ни куртки. В тяжёлом же зимнем пальто и меховой шапке идти было трудно. «Ребячество какое-то, – думал я. – В то время, когда дома осталась недочитанной интересная книга, я зачем-то лазаю по колену в снегу, теряю попусту время, ещё заболēju чего доброго. А через неделю начинаются занятия в школе, заканчиваются каникулы, и уже ни болеть, ни книги читать будет некогда. Подготовка к урокам, проверка тетрадей, педсоветы, родительские собрания...»

Колька, шедший впереди меня, как видно, сжалился и остановился.

– Нет, почти пришли, – в голосе снисхождение, – устал?

На этот раз я не ответил.

Шли мы после этого действительно недолго. Колька, подойдя к склону оврага, круто поднимающемуся вверх, снял лыжи и тут же по пояс провалился в снег.

– Снимай, – кивнул он на мои лыжи, – на них вверх не поднимешься, нужно пешком.

Лыжи мы оставили воткнутыми в снег и начали с трудом карабкаться по склону. Земля под снегом была мёрзлой, покрытой ледком, и поэтому мы часто – то Колька, то я – падали. Но вот Колька остановился. Он тяжело дышал, из-под шапки по покрасневшему лицу сползала капелька пота, оставляя за собой поблескивающий след.

– Вон, смотри, – негромко проговорил Колька и показал рукой на росшую метрах в десяти от нас берёзу. Я не вздрогнул, но испугался. На тоненьком стволе дерева был гигантский, величиной с огромный таз, нарост. И было непонятно, как берёза держала такую тяжесть, не ломалась.

Мы подошли ближе к дереву. Я хотел дотронуться до нароста рукой и не смог. Помешало неприятное, пугающее чувство. Нарост какими-то неуловимыми чертами, наплывами и вмятинами был удивительно похож на сморщенное лицо старого и злого человека.

– Леший, – прошептал за моей спиной Колька.

Я, соглашаясь, кивнул головой, и мы оба осторожно попятнулись назад. А с дерева на нас продолжало строго смотреть страшное сморщенное лицо.

С того-то времени я и решил для себя, что на свете нет домовых и леших, но на свете есть чудеса.

И вот теперь разговаривающее дерево. Что это, игра? А может быть, что-то другое, настоящее и жизненно важное не только для Кольки, но и для всех нас. Только мы повзрослели и теперь многого не замечаем. Может быть, это я навсегда оставил в своём детстве что-то очень важное, какое-то природное таинство, дарованное мне с рождения.

Я продолжал лежать на спине, провалившись в мох. Надо мной было наполовину затянутое облаками небо. Поднявшийся ветер шумел густыми кронами по обеим сторонам просеки, и временами казалось, что это не лес шумит, а море.

Я не окликнул Кольку, когда он проходил невдалеке от меня. И у меня не возникло мысли, почему он, такой маленький, не боится жуткого вечернего леса, шума ветра и бездонного в ямах неба. Все эти вопросы придут ко мне потом, когда я, уже засыпая, буду продолжать слышать сквозь шум ветра, лижущего шиферную крышу, будто бы громкий и протяжный, чем-то обеспокоенный скрип жалующегося Кольке дерева, а перед глазами будет стоять страшное сморщенное лицо-нарост.

Тропинка из детства

На следующий день встал я рано. Промучившись всю ночь в тяжёлом, походившем на бред сне, я так и не отдохнул и поэтому чувствовал, как мышцы ног и спины по-прежнему выкручивает ноющая боль. Находившись вчерашним днём за грибами, наломав ноги по ямам и трухлякам, я и сквозь сон ощущал эту усталость, будто навек вселившуюся в меня.

Позавтракав вяло, без аппетита, вышел из избы на крыльцо, сел там, с наслаждением вытянув ноги. День только разгуливался, поэтому солнце, не успевшее набрать силы, ещё не припекало, хоть и было ярким – глаз в небо не поднять.

Вскоре пришёл Колька.

– Много грибов принёс? – после того, как поздоровались, спросил он.

– Корзину.

– А я вчера пошёл тебя искать, да не нашёл.

– И долго искал?

Колька помолчал какое-то время, затем нехотя ответил.

– Не-е-т... не очень.

– Где же ты был весь день?

Мне показалось, что Колька поначалу испугался моего вопроса или растерялся, не зная, как на него ответить, но потом, видно заподозрив что-то неладное и совершенно правильно рассудив, что врать ни к чему, а лучше чего-то не договорить, ответил:

– В лесу.

– И что там делал?

– Гулял.

И тут я понял... нет, скорее почувствовал, что Колька мне не договаривает, боится договорить что-то своё, очень сокровенное. Боится, что я не пойму, посмеюсь, невольно оскорблю этим смехом не столько его самого, сколько его тайну. Что-то заставляло его опасаться моей взрослой рассудительности, желания всё постигнуть умом, а не чувством, увидеть глазами, а не душой. Колька, конечно, не знал, что вчера вечером я подсматривал за ним и уже немного знаю о его тайне, знаю, что он ходил слушать скрипучее дерево.

«Может, и вправду будет лучше, если он мне ничего не скажет, – подумал я. – Вдруг действительно рано ещё. Ведь то, что он мог сейчас рассказать, я видел сам, а что-то другое, то, самое главное, сможет ли он объяснить, а я понять».

Ещё позавчера мы с Колькой пообещали Прасковье Ильиничне, что сегодня весь день будем помогать ей грести сено. Хозяйка этого не забыла и теперь, собираясь в луга, нарочно излишне суежилась так, чтобы мы заметили: гремела в сенях граблями, звякала стеклянными банками в чулане, часто выбегала из избы на волю, будто бы справиться о погоде. Наконец, не выдержав, подошла к нам.

– Вы чего сидите? Помогать-то пойдёте? Солнышко воно как высоко.

Я встал с крыльца и пошёл в избу одеваться.

Когда снова вышел, Колька с граблями на плече уже стоял посредине двора, а Прасковья Ильинична с узелком на коленях, в который собрала нехитрый обед, сидела на брёвнышках у изгороди. Видно было, они ждали только меня.

Я взял у Кольки грабли, положил их себе на плечо.

До лугов, где покос Прасковьи Ильиничны, идти не близко: километра полтора-два по большаку, в это время ещё пустому, но уже пыльному, затем свернуть вправо, спуститься в ложбинку и вдоль слабого, чуть заметного ручья пройти ещё с полкилометра сквозь заросли лозняка. Затем опять подняться на взгорок, пробраться сквозь мелкий и густой березняк, а там уже рукой подать до лугов – минут пять ходьбы, не больше.

Когда пришли на покос, я тяжело опустился на землю, сел в тени под старым раскидистым дубом. Прасковья Ильинична, видно вконец удостоверившись, что мне худо, ласково предложила посидеть подольше, молока из бутылки отпить, а сама с Колькой пошла к дальнему концу первого валка, рыхло тянувшегося вдоль недалёкого берега Клязьмы, чтобы приняться за дело.

Я смотрел, как работали Прасковья Ильинична с Колькой. Вот они собрали сено в одну небольшую кучу. Затем нагребли и принесли ещё. Прасковья Ильинична, высокая, худоцавая, в цветастой косынке и длинном до пят тёмном платье и в таком же тёмном переднике, работала быстро. Движения у неё резкие, словно торопится куда, и на покос-то забежала лишь на секунду – распоряжения кой-какие дать и – дальше по своим делам. Колька же работал по-другому, рассудительнее, сдержаннее. Я смотрел на него, и чудилось мне, что это не мальчишка, а низенького роста мужичок, вот только руки тонковаты, жилистости в них нет, да и спина хрупка, не хватает ей натруженности, чуть заметной сторбленности, а в остальном – вылитый мужичок. Я наблюдал за тем, как он ловко работает большими, не под его рост, граблями: подгребаёт сено, подхватывает валки, швыряет их на заметно подростшую копёнку, а солнце поблёскивает на его коже уже успевшими выступить капельками пота.

Я сидел под дубом, смотрел на хвойный лес на другом берегу Клязьмы, на сизую, словно остывший пепел, песчаную косу у самой воды, на освобождённый от дёрна и от этого тёмно-коричневый глинистый пригорок, и уже не так чувствовалась усталость, забылась боль в ногах и, главное, постепенно начал оживать слух. Нет, я, конечно, и раньше слышал, но будто не всё. Я слышал разговор, стук своего сердца, собственное дыхание. А теперь для меня начали оживать другие звуки: шуршание листьев дуба над головой, потрескивание сгребаемого сена, лёгкое покрякивание Кольки, когда тот, набрав особо большую охапку высушенной ветром и солнцем травы, по-взрослому напружинясь, упирался рукой в черенок граблей и, обхватывая затем свободной рукой ношу с другой стороны, отрывал её от земли и нёс к небольшой, но уже ладно сложенной и любовно причёсанной Прасковьей Ильиничной копне. Я вдруг услышал еле различимое хлопанье воды о недалёкий берег, слабое тарыхтение трактора где-то за березняком и тогда, замороженный услышанным, замороженный экономностью Колькиных движений и от этого их ладностью, красотой, всем видом его оголённого по пояс гибкого загорелого тельца, встал и быстро пошёл к Кольке, начал вместе с ним сгребать новый валок.

Мы проработали до полудня. Только тогда Прасковья Ильинична скомандовала нам передых, а сама пошла к дубу, в тени которого прежде сидел я и где она по приходе оставила свой узелок. Мы с Колькой прислонили грабли к последней, только что смётанной копне и направились купаться. Подойдя к реке, я поначалу не уловил её прохладной сырости, и только когда Колька, скинув штаны, первым прыгнул в воду, окатив меня с ног до головы брызгами, я почувствовал, сколько в этой по-живому искрящейся на солнце широкой медленно ползущей в своих берегах водяной ленте освежающей радости.

Я разделся и влетел в воду, и ощутил лёгкость, заполнившую всё моё тело, и непонятный, совершенно необъяснимый детский восторг. Я будто бы сам вдруг стал мальчишкой: забегал по воде, заплескал ею в Кольку, а когда он ответил мне тем же, то бросился прочь и, споткнувшись, с головой окунулся и, не успев закрыть глаза, увидел, как вода вскипела надо мной мелкими пузырьками и, ребристо заволновавшись, сомкнулась, словно принимая нашу игру и пряча меня от брызг Кольки.

После обеда решили ещё немного отдохнуть. Прасковья Ильинична осталась в тени под дубом, а мы с Колькой улеглись на сене. Говорить ни о чём не хотелось. Мы молча смотрели на реку, на противоположный берег и лес, и я думал: «Куда же подевалась усталость? Что освободило меня от неё? Неужели вид работающего паренька – с каким старанием он выполнял необходимую для жизни исконно деревенскую работу, зародившуюся от земли и неведомыми для нас путями переданную ему? Неужели вот это вечное, необходимое, накрепко усвоенное этим мальчишкой, может меня, уже немолодого, сложившегося человека заставить иначе чув-

ствовать, слышать, думать?!» Но ведь во мне действительно не было больше усталости. Душу мою заполняло что-то необъяснимо трепетное. Мне было хорошо от того, что сегодня ясный солнечный день, что рядом лежит Колька и доверчиво пристроившись к моему плечу сопит мне в самое ухо, что дурманяще пахнет сеном и чуть сырой землёй. И всё это я чувствовал и слышал уже каким-то иным, обновлённым чувством и слухом.

Отец

О том, чтобы побывать в доме у Кольки, поговорить с его отцом, я подумал ещё на покосе. Чем больше я узнавал о Кольке, тем непонятнее, загадочнее становился он для меня. В лесу Колька, казалось, знал всё. Он безошибочно определял, где сейчас есть грибы, скоро ли будет дождь и где, в какой стороне его деревня, если мы слишком далеко уходили от неё. В свои семь лет он не боялся темноты. Но, главное, в обыденном он мог заметить то, мимо чего мы, взрослые, проходили не замечая, не удивляясь. Откуда в Кольке такая зоркость?

С Владимиром Николаевичем, Колькиным отцом, я был знаком ещё с прошлого лета. Частенько перед сном заходил он ко мне выкурить папироску, поговорить о последних деревенских новостях, покритиковать местное начальство, высказать несколько собственных замечаний по поводу обострившейся обстановки в Африке и Америке. Это был мужчина невысокого роста и крепкого, по-крестьянски добротного телосложения с длинными, словно от бесконечной работы вытянутыми жилистыми руками и ещё не старым, но уже на всю жизнь обветренным, в морщинах лицом. Было ему сорок с небольшим. Колька в семье был ребёнком поздним и единственным.

Я никогда раньше не начинал с Владимиром Николаевичем разговора о сыне. Не хотелось этого делать специально, думал, само как-нибудь получится. А тут не выдержал. Может, от того, что окончательно понял – не разобраться одному. Но почему мне нужно было разобраться? Однозначно на этот вопрос я ответить не мог. Только чувство большого, чего-то скрытого совсем рядом от меня переполняло душу. Мне казалось, я стою на пороге чуда. Нужно сделать ещё один шаг, последний, и мне откроется природное таинство детства, которое всем нам даётся в начале жизни в равной степени, а потом отнимается. Или мы сами его теряем?

Выбрав вечер, когда Кольки дома ещё не было, я будто случайно зашёл к Владимиру Николаевичу и как бы между делом начал расспрашивать его о сыне.

– Ждал, что спросишь... Значит, и ты такой же.

– Какой?

Владимир Николаевич нахмурился, поскрёб пальцем плохо выбритый подбородок.

– Меня в правление как-то вызывали, спрашивали, почему плохо воспитанием сына занимаюсь. А я им свой вопрос задал: «Что, грубить старшим начал?» «Нет, – отвечают, – паренёк вежливый, да вот растёт без родительского присмотра. Как бы к дурному не пристрастился». Это Колька-то! Нам учительницу из района прислали. Ездила она по ближайшим деревням, детей для школы-интерната набирала. И вот шла она из Львовки, это в пяти километрах от нас, через лес, напрямик и повстречалась с Колькой. Вот и подняла шум. Один! В лесу! Странный человек. Она считает, что бросил я сына, а того понять не смогла, что воспитание не в том заключается, чтобы ходить за ним и, рукой придерживая за плечико, поучать – это можно сделать, а этого нельзя, здесь растут ягоды, а там нет, здесь в озере вода холодная, а вон там тёплая. Нет, это пустое, слова, а воспитание, добро, взгляд зоркий да чувства ясные из души идут. А душу другого как научишь?

– Не знаю, – честно признался я.

– Вот то-то и оно. Я же так думаю – пусть не по-ученому, не из книжек взято – в человеке маленьком, ну в ребёнке то есть, душа и без воспитания светлая, добрая. Ты видел, как они, человечины-то босоногие, каждую букашку жалеют. Дерево рубят – для них горе, лошадь ударили – слёзы рекой. Этакую душу да ещё воспитывать! Тут в пору самим у них о прощении просить... Я, главное, чего хочу. Пусть он ходит, смотрит, ушибается, ноги царапает, но всё узнаёт сам. Это жизнь, не мы её придумали, только штука она мудрая, да и орешек для нашего ума крепкий. А то что же получается: сколько умов, и все учат. А разве кто-нибудь, кроме меня, видел, как сын картошку рыл на своём клине. Я Кольке в прошлом году клин на

огороде выделил. Спросил он как-то зимой: «Пап, а если я картошку посажу, она вырастет?» «А чего же, будет весна, посади – посмотрим». Ну и посадил. Верить ли, только что на крышу от радости не запрыгивал – остальное всё было. А этой весной, наверное, за неделю до того, как картошку сажать, сна лишился, потому что праздника ждал.

Владимир Николаевич достал из кармана пачку, вытряхнул на ладонь папиросу.

– Я тебе про душу говорю, а ведь ты, наверное, смеёшься...

– Нет, что вы...

– ... только зря, есть она в человеке. Я, если надо, и доказать могу.

– Докажите.

Я не скрывал любопытства. Разговор с Колькиным отцом оказался неожиданным, и я чувствовал, что не могу, даже если бы и захотел, спорить с Владимиром Николаевичем. А тот запальчиво продолжал:

– Вот и докажу! В школе мы все учимся? Все! Книжки одни и те же читаем, телевизор смотрим. Этого всем нам поровну выходит. Ведь так?

– Приблизительно.

– Почему же тогда люди все разные? Одинаковыми должны быть: добрыми, смелыми, трудолюбивыми. А вот ведь не получается?

– Нет.

– А почему?

Владимир Николаевич сделал паузу, видно дожидаясь моего ответа, но я молчал, и тогда опять заговорил он:

– О душе забывать начали. А ей не подсказки, ей жизнь нужна, чтоб со слезами, с болью, с обидой и злостью, чтоб не на перине душа нежилась, а в мозолях была от работы непосильной. Видно, одних книжек и разговоров о воспитании маловато. Ещё чего-то нужно. А чего? Не знаешь?

Я промолчал.

– Зато отец мой знал. Привёл он меня как-то к реке, я ещё пацаном был, посадил под берёзой, большой уже, густой, да и спрашивает: «Знаешь, что это за дерево?» Отвечаю ему – берёза. «Нет, жизнь это моя». И так он просто это сказал, что я ему сразу поверил. А свою берёзу я лет пять спустя посадил. Посадил, потому что раз вечером пришёл с работы, а в груди ноет, нет в сердце покоя. Значит, время пришло. А когда посадил, так мне хорошо сделалось, так светло. А почему? Можешь ты мне это книжками объяснить, в кино показать? Нет! Что же всё это, если не душа? Ну, что?

Я слушал Владимира Николаевича, а перед глазами у меня стоял Колька. И я вдруг заметил, как они удивительно похожи друг на друга. Нет, не внешне. Была поразительная схожесть в чём-то другом, неуловимом и трудно объяснимом.

Владимир Николаевич помолчал, покурил. Затем, встав со скамейки, предложил: – Пошли к Клязьме, – и не дожидаясь моего ответа, первым зашагал со двора.

Река была рядом. Нужно только спуститься к ней с пригорка. Узенькая тропинка от дороги до реки была прямой и ровной. Мы свернули на неё с большака и через несколько минут подошли к берегу.

– Что ж не спрашиваешь, зачем сюда привёл?

– Наверное, деревья показать.

– Правильно... И самому посмотреть хочется.

– Стоят ли? – улыбнулся я.

– Нет, – не приняв шутки, серьёзно ответил Владимир Николаевич, – сколько их. Тогда, когда копали картошку, почувствовал я, не просто Колька радуется, не в забаве тут дело, в большем. Ну и сводил его сюда, на берег, о деревьях рассказал. Первые недели всё бегал смотреть, не посадил ли своё. Рано ему было. Если бы посадил, значит, я поторопился рассказать,

моя ошибка. Но нет, обошлось, значит, правильно понял, не забава это. А вот сейчас, веришь ли, иду и думаю, а может, позабыл он про деревья, может, мал ещё был, чтоб понять так, как мне этого хотелось.

Странное, необъяснимое волнение охватило меня, когда я подходил к двум высоким, росшим недалеко от берега берёзам. Одна из них была заметно старше – ствол шире и внизу грубее, с трещинами в коре, с толстыми ветвями. Другая берёза моложе и хотя высотой первой почти не уступала, но ствол у неё был уже, и кора на нём светлее, нежнее. Я и раньше видел эти деревья, но сейчас... я, кажется, понял, почему Колька никогда не купался в этом месте и притихал, стоило нам оказаться поблизости.

– Был!..

От неожиданности я вздрогнул и почти тут же увидел тоненький, с несколькими крохотными веточками стебелёк молодой берёзки.

– Был всё-таки... приходил, – выдохнул Владимир Николаевич и, присев, начал внимательно разглядывать землю у корней. – Видно, весной посадил... А я-то думал, рано ещё. Ты бы сходил за водой, сухо, полить надо.

Я пошёл к реке. И меня поразило в этот момент то, что уже стемнело, а мы даже не заметили. Поразил вид двух высоких, светло выделяющихся в наступивших сумерках берёз. Поразила река. Сколько же символики во всём этом! Думали ли о ней люди, посадившие здесь деревья?

Мы вернулись в деревню, когда совсем стемнело. Прощаясь у калитки, Владимир Николаевич задержал мою ладонь в своей.

– Ты поосторожнее с Колькой. Привязался он к тебе, как бы беды не вышло. Непокойно мне на душе от вашей дружбы.

И, ещё раз стиснув мою ладонь, быстро зашагал к своему дому.

Ветер

Погода испортилась неожиданно и враз. Ещё четыре дня назад, когда мы с Колькой помогали Прасковье Ильиничне управиться с сеном, было солнечно и тихо. А уже на следующий день ночью заморосило, и к утру третьего дня просёлочные дороги поразмокли так, что ни проехать по ним, ни пройти.

Я сижу в тесноватой, то ли из-за непогоды, то ли из-за подслеповато низеньких окон, тёмной избе и смотрю на небольшой лужок под окном. В избе тихо. Лишь неспешное убаюкивающее тиканье ходиков доносится со стены.

Я часто поворачиваюсь от окна, смотрю в сторону часов. Зачем-то запоминаю время и рассматриваю циферблат с облупившейся краской, а кое-где так и вовсе тронутый ржавчиной. Я изучил циферблат настолько, что с закрытыми глазами ясно представляю его до каждого пятнышка, сколышка краски, положения сосны на рисунке и позы любого из медвежат.

Но временами тиканье теряется, пропадает, и тогда завывание ветра и постукивание капель о стекло заполняет тишину, и на душе от этого становится тоскливо.

Третий день мы с Колькой никуда не выходим из деревни, а последние два дня так и не видимся вовсе. В первый день ненастья он ещё забегал, но потом пропал и вот уже второй день не показывается. И хотя я себе окончательно в этом не признался, но начало моей хандры было положено исчезновением Кольки. За две недели, проведённые с ним, я крепко привык к этому мальчугану и без него сейчас мне было одиноко и скучно.

Прасковья Ильинична ещё утром ушла в соседнюю деревню, и поэтому в избе я один.

Лужок за окном мокро набух лужицами. По стеклу продолжает монотонно стучать дождь, а я невольно думаю о Кольке, о своей привязанности к нему. В который раз спрашиваю, что тянет меня к этому семилетнему мальчишке, и не нахожу ответа. Слишком много загадочного, необъяснимого было в поступках Кольки. Была в них какая-то первозданная открытость, душевная обнажённость и... естественность. Может быть, к этому-то я и оказался не готов.

И всё-таки неужели это может меня заставить иначе думать о каких-то давно известных истинах? «Неужели?» – в который раз задавал я себе один и тот же вопрос и не находил ответа, потому что отрицать это было невозможно, а поверить, принять – видно, не хватало смелости, не хватало откровенного взгляда на себя сегодняшнего, чтобы увидеть себя, прошлого, другим. Но я не мог не признать одного. Оказывается, это не мне нужно учить чему-то Кольку, думал раньше, а самому учиться у него. Что-то невозвратно, видимо, потерял я в жизни, оставил там, в далёком, слабо различимом сейчас детстве.

Я не заметил, как утих дождь. Вывел меня из задумчивости скрип открывающейся двери. Я обернулся и увидел стоявшего на пороге Кольку.

– Всё, кончился! Пошли быстрее, сейчас самое время.

– Куда пошли, для чего самое время? Да ты хоть поздоровайся сначала, или не научен?

И тут мне стало неловко. Я понял, что так неприветливо разговариваю с Колькой лишь потому, что обижен на его долгое непоявление, потому что соскучился по нему, истомился, дожидаясь его прихода.

Колька удивлённо уставился на меня. Затем смутился и, потупившись, негромко поздоровался.

– Это другое дело. А то пропадает неизвестно где двое суток, потом появляется в доме, не здороваясь, и кричит почём зря.

По моему голосу Колька догадался, что я вовсе на него не сержусь и даже, наоборот, рад его приходу и чувствую себя неловко, виновато за первоначальную грубость. Он осмелел и опять возбуждённо заговорил:

– Ну пошли же, пошли!

– Куда?.. Вот ведь пристал, – без злобы проворчал я, вставая со стула и направляясь в сени за плащом и сапогами.

– В лес, на ветре кататься.

– На ветре?!

За последнее время я успел привыкнуть ко многим чудачествам Кольки, но это было уже слишком.

– Ты вообще-то хотя бы иногда соображаешь, чего говоришь?

– Соображаю, – будто не замечая моего удивления, спокойно ответил Колька.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга: я в растерянности от неожиданного предложения; Колька в ожидании – пойду я с ним или, не поверив, останусь дома.

И тут на меня нашло: «Да почему этот мальчишка то и дело ставит меня в тупик? Я устал от его загадок. Зачем я слушаю его, лазаю с ним по оврагам, хожу по лесу? Почему я так привязался к нему? Что мне от него нужно? Ради чего всё это?»

Но чем больше я так думал, тем отчётливее осознавал, что ни на один вопрос ответить сейчас не могу. И раздражение от этого только возрастало, потому что в подсознании я ощущал необходимость ответить на них. Я понимал, пока не будет разгадана эта тайна – сердце не обретёт спокойствия, а я не пойму, не постигну чего-то очень важного и нужного.

– Хорошо, – с раздражением бросил я Кольке и направился в сени.

Оделся я быстро. Когда мы вышли со двора и пошли вдоль дороги по намокшей траве в сторону реки, я опять украдкой взглянул на Кольку. Он был спокоен и сосредоточен. И это спокойствие невольно передалось мне. Я понял, что Колька ничего не выдумывает, не шутит, не обманывает меня, а действительно идёт кататься на ветре. От этого понимания исчезло раздражение, но появилось лёгкое сладкое волнение в груди от надвинувшегося предчувствия чего-то необыкновенного.

У реки было холодно. Разогнанные ветром волны громко били в берег, фыркали под корнями наклонившихся вётел, хлюпали меж камней, торчащих над водой мокрыми боками.

Мы прошли по берегу до первого оврага. Здесь Колька остановился, огляделся по сторонам, чего-то отыскивая. Затем опять неторопливо пошёл вдоль реки и остановился у высокого обрыва.

– Пришли.

– Куда? – то ли от холода, то ли от волнения, перехватившего горло, хрипло спросил я.

– К ветру.

– Там его что, – я махнул рукой в сторону деревни, – меньше было?

Колька неопределённо пожал плечами и начал карабкаться вверх по склону. И только тогда я заметил берёзу. Она росла у самого края обрыва, а ствол её, раскачиваемый ветром, уходил в сторону реки, почти нависая над водой. Вскрабкавшись на высокий берег, Колька подошёл к берёзе и, обхватив ствол ручонками, начал осторожно пробираться к вершине дерева. Он остановился, когда ствол берёзы начал заметно прогибаться под ним и, обхватив его ногами, ручонками уцепился за гибкие, бьющиеся на ветру ветки и так замер.

Снизу от воды я следил за тем, что делал Колька, и не мог понять, для чего всё это. А там, наверху, Колька, казалось, слился с деревом, стал с ним одним целым. Он распластался по стволу, расслабился и закрыл глаза.

Я долго смотрел на Кольку, пока в какое-то мгновение вдруг не почувствовал, что ветер подхватил и начал действительно раскачивать, баюкать его. Колька летал!!! Нет, он, конечно, по-прежнему лежал на тонком стволе берёзы, но в то же время это будто бы не весь Колька, только его внешняя часть, а то, самое главное, сейчас вышло из него и, соединясь с природной силой – ветром, водой, мелко морозящим дождём, небом – жило в их измерениях, в их силе.

И раздвоение Кольки, и катание его на ветре я чувствовал и видел какой-то миг. Это был порыв, приоткрывший дверь в таинство, чем-то неуловимо знакомое мне. Казалось, подобное я уже испытывал. Но когда, когда?

А Колька летал! Я знал это, и мне хотелось быть с ним рядом.

Скользя по мокрой глине, я начал карабкаться наверх. Приостановившись, посмотрел вверх на берёзу. Колька по-прежнему неподвижно лежал с закрытыми глазами, прильнув к раскачиваемому ветром стволу. Тогда я опять полез вверх и тут, поскользнувшись, сделал несколько неловких шагов назад и, не устояв на ногах, упал в воду.

Теперь отяжелевшая одежда сковывала движения, прилипла к телу, мешала, но мне неудержимо, сильнее, чем прежде, хотелось подняться к Кольке.

Я побежал вдоль берега. Сердце в груди колотилось, мне не хватало воздуха и казалось – ещё немного, и я задохнусь.

Почти ползком, цепляясь за кусты и выступы, я всё-таки забрался на обрыв и бросился к берёзе. Но Кольки на дереве уже не было. Он стоял немного поодаль у самой кромки обрыва и в пол-оборота с удивлением смотрел на меня.

– Ты летал? Летал? Да говори же! – закричал я, подбежав к Кольке. Я схватил его за плечи и смотрел ему прямо в глаза. И тут увидел, как изумление в них заменяется испугом. Но испугом не за себя – за меня. В Колькином лице я увидел жалость ко мне. Но почему, за что? Как может он, мальчишка, жалеть взрослого! Кто ему дал право? А разве на жалость нужны права? Разве непонимание большего, чем понимает тот, кого жалеешь, Колька чувствует и понимает больше меня?

– Да, ты летал, летал, – упавшим голосом еле слышно проговорил я. И тут вдруг понял, меня действительно было за что жалеть. Пока я не увидел жалости в Колькиных глазах, я ещё надеялся, что ошибся, что и полёт Кольки, и его слитость, соединение с природной силой, и неожиданно проснувшаяся боль во мне самом – всё это бред. В действительности ничего этого не было. И, значит, нет тайны, которую я никак не могу постигнуть, нет того мира, в который я никак не могу войти. Нет, мир этот есть, но открыт он только для Кольки. Колька понимает это, потому и жалость в глазах. Он смотрит на меня и видит не только мокрую, перепачканную глиной одежду, но и то, что бесконечно разделяет нас. Только я этого пока не видел, не понимал. И тут мне самому стало страшно. Я вдруг понял, что ненавижу Кольку. Ненавижу той ненавистью, какой можно ненавидеть только близкого и любимого человека. Я держал Кольку за плечи. Руки мои дрожали от напряжения и волнения, в глазах потемнело, и опять не стало хватать воздуха в груди.

Я оттолкнул Кольку и пошёл прочь, не разбирая дороги, не обходя лужи. Колька догнал меня и, ухватившись за рукав плаща, засеменял рядом, едва поспевая. Так мы прошли поле, пробрались сквозь мелкий кустарник на опушке и вошли в лес.

– Неделю назад ты был в лесу у скрипучего дерева. Я знаю, ты с ним разговаривал. Так научи и меня разговаривать с деревьями... Ты должен научить меня.

Голос у меня дрожал. Казалось, ещё немного и, не выдержав, я закричу на Кольку.

– Хорошо, – негромко согласился Колька и неуверенно добавил: – Если они нам поверят.

Услышав ответ Кольки, я остановился, огляделся. Сейчас мы были в старой берёзовой роще. Высоко над нами, путаясь в ветвях и перебирая листья, шумел ветер, а здесь, внизу, было тихо и светло. Даже сумрак леса не мог погасить белизны берёзовых стволов. Те будто светились.

– Что теперь делать?

Не услышав ответа, я обернулся, но Кольки рядом не оказалось. Мне казалось, я только что слышал его дыхание у себя за спиной, и вот... Кольки нет. Мне сделалось страшно. Я вдруг почувствовал себя маленьким, совсем крохотным и беспомощным, песчинкой. А вокруг страшный, загадочный и непонятный лес с шумом ветра, свечением стволов и исчезнувшим

куда-то Колькой. Это лес спрятал его от меня. Он не хочет, чтобы Колька открыл мне их общую тайну.

– Ко-ля! Ко-о-ля!!! – закричал я и бросился бежать назад. Затем повернул вправо, остановился, опять побежал и тут увидел Кольку. Он, как и первый раз, неподвижно сидел на земле, прислонившись спиной к сосне. Опять его фигурка была застывшей, неживой, а сам он, казалось, внимательно во что-то вслушивался.

Я осторожно подошёл к Кольке, присел рядом.

– Что же мне делать, а? Как дальше...

– Ничего, – перебив меня, негромко заговорил Колька, – смотри вверх и думай о них.

Сначала я подумал, что Колька не понял моего вопроса. Ведь я спросил не про то, как слушать деревья. И только сейчас, когда прошло много времени с того ненастного, дождливого летнего дня, догадался – Колька всё понял и ответил единственно правильно. Да и что ещё он мог посоветовать? Мы по-разному видели то одинаковое, что окружало нас, по-разному слышали и чувствовали. Нас разделяла стена, название которой – детство. За ней было недостижимое тогда для меня таинство.

Я посмотрел вверх и увидел огромное колыхание сплошной зелёной массы. Затем зрение начало контрастнее выделять иголки хвои, листья берёз. И вот уже множество зелёных кругляшей и иголок неистово бьются, движутся, танцуют, и в их неистовости было что-то от той жизни, в которой жил я сам.

Я вздрогнул, когда Колька неожиданно схватил меня за руку. В один миг всё опять слилось, перемешалось у меня перед глазами, превратилось в огромную зелёную массу.

– Слышишь?

– Что?

– Как наше дерево разговаривает с тем, у которого в стволе дупло... Не слышишь? А как берёзы у поляны смеются над сосной, слышишь?

Я ничего не слышал, а Колька уже со слезами в голосе умолял: – Миленький, хорошенький, я очень прошу тебя – услышь. Они разговаривают, это правда. Ты же слышишь! Ведь слышишь?

Колька плакал. По щекам его текли слёзы, которых он не вытирал. Он умолял, он звал меня к себе и не понимал, не хотел понимать, что я уже никогда-никогда не смогу к нему прийти. Мне было больно, страшно смотреть на Кольку, смотреть в его измученные, заплаканные глаза. Я обнял Кольку за плечи, прижал к себе и, уткнувшись лицом ему в шею, тоже заплакал от бессилия и злобы. И тогда в какое-то мгновение мне показалось, что я полетел. Исчезло время, заменённое каким-то другим, неведомым, беспредельно свободным измерением, и я ясно услышал голоса деревьев. Они громко и тревожно переговаривались о нас с Колькой. А ветер ещё выше закружил меня, швырнул в ураганный шум сырой листвы, и я разом увидел огромную, уходящую от меня землю и верхушки деревьев, радостно засмеявшихся мне вслед. Их смех был добрым, они принимали меня в свой удивительный, справедливый, чудесный мир. А ветер поднимал меня всё выше, кувыркал, опрокидывал, и небывалая лёгкость появилась в теле, и покой заполнил душу. Мне никогда ещё не было так хорошо, покойно и ясно на душе. Всё в моей жизни вдруг приобрело значимость и необходимость.

Это длилось всего лишь миг, во время которого я не переставал слышать Колькиных рыданий и чувствовать лбом теплоту его шеи. Но что было потом, я почти не помню. Тело бил озноб и, пытаясь согреться, я всё плотнее запахивал полы насквозь промокшего брезентового плаща. Не смогу рассказать и о том, как мы вернулись в деревню. Ощущение воспалённой сухости во рту, холодного озноба в теле, казалось, вытеснило из сознания всё остальное. Последнее, что ещё запомнилось из этого дня – наклонившееся надо мной озабоченное лицо Прасковьи Ильиничны и прохлада её ладони у меня на лбу.

Сон

Болел я тяжело, но не долго. Так сильно простывать случалось мне лишь однажды, в глубоком детстве. Тогда бабушка провела у моей кровати несколько ночей кряду. На этот раз одолеть хворь помогла Прасковья Ильинична. Она не отходила от меня ни на шаг: поила отварами шиповника, малины и каких-то трав; грела ноги горчицей; натирала грудь барсучьим салом. Постепенно прошла тошнота, пропала сухость во рту. Меня перестали мучить кошмары, и я, наконец, заснул по-настоящему глубоко и надолго. Тогда-то и приснился мне этот удивительный сон-воспоминание. Он многое объяснил и помог разгадать Колькину тайну.

Мне приснился зимний лес.

Тук, тук, тук – раздавалось в морозной тишине. Звук казался приветливым, словно зазывающим в сказочное царство, где вместо неба над головой ажурное сплетение чернеющих веток берёз и осин, вместо дворцов – густо усыпанные искрящимся снегом башни елей. Негромкий стук дятла невольно заставил прислушаться, оглядеться, а глаза, пристально всматриваясь в недвижимо застывшие стволы, искали птицу.

Бежавший сзади по только что проложенной мною в рыхлом снегу лыжне Колька, наконец, догнал меня и, остановившись рядом, притих. Ещё сегодня утром мы с ним и не думали никуда идти, а потом разом решили, встали на лыжи – и в лес. Да и как иначе! Завтра Новый год, а мы без ёлки. Долго кружа по лесу, мы вдруг услышали стук дятла, и тогда, не стовариваясь, повернули на звук. Добежав до поляны, снова остановились, завороченные увиденным, потому что снег на ней светился прозрачным голубым сиянием: живым, трепещущим. И вся поляна от этого, казалось, была окутана клубившимся голубым туманом.

– Пошли, – не выдержав молчания, первым заговорил Колька и тронулся с места.

По колено утопая в голубом снежном сиянии, мы перешли через поляну. Углубившись в лес, ещё какое-то время шли на звук, пока Колька не остановился и не проговорил шёпотом: «Вон он».

– Где?

Я не увидел дятла, хотя по раздававшемуся над самой головой стуку догадался, он должен быть где-то рядом.

– Да вон же, вон! Видишь, кора падает?

И действительно, прямо перед нами, кружась маленьким вертолётником, упал на снег, густо облитый солнечной синевой, тоненький кусочек шкурки сосновой коры. А через некоторое время, так же кружась, летел уже другой обрывочек коры, и мы с Колькой невольно следили за ним, пока он не упал на игольчато поблёскивающий снег маленьким коричневым пятнышком. Но где же дятел? Мне непременно хотелось его увидеть. Что-то знакомое азартно тянуло меня к этой птице.

– Давай подойдём ближе, он, должно быть, за стволом сосны спрятался, – предложил я Кольке.

– Нельзя, спугнём, – покачал головой тот и повернул назад, в сторону опушки.

– Куда ты, постоим ещё, послушаем.

Колька удивлённо, затем укоризненно и, наконец, снисходительно посмотрел на меня и... согласился.

– Ладно, пошли, покажу одно место.

Мы опять тронулись в путь. Перейдя Клязьму по занесённому снегом льду, Колька остановился, поджидая меня. Дальше мы пошли осторожнее, след в след. И тут я опять заметил за собой, что, как и на поляне, напряжённо, до звона в ушах вслушиваюсь в светлую морозную тишину, ожидая, когда вновь послышится стук дятла. Но что со мной, почему я так волнуюсь?

И только я подумал об этом, как тут же – я даже вздрогнул от неожиданности – по лесу разнеслось знакомое: тук, тук, тук...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.